

местного жителя ¹, вырезанная из местного известняка, найденная в 1869 г. вместе с надписью Аполлония, сына Фанагора. Может быть, она раньше стояла тоже около гимназия.

Почва Таманского полуострова постепенно понижается, городище Фанагории все время размывается морем, и очень жаль, что часть древнего города погрузилась в воду: в прошлые века и в настоящее время обнаруживают на берегу и в море архитектурные детали — ионийскую капитель, барабан колонны, детали каких-то архитектурных украшений, из моря достают большой блок мраморного карниза, — все это части когда-то стоявших здесь зданий ². Еще Герц в конце XIX в. заметил, что около станции Сенной в море, при тихой погоде, видимы бывают, при низком уровне стояния воды, колонны какого-то здания, ныне покрытого водой ³.

Твердо надеюсь, что в ближайшее время будет раскопана остальная площадка городища Фанагории, с учетом всех научных достижений в области эпиграфики, археологии и нумизматики, и топография города станет нам вполне ясна.

Н. П. Розанова

ГЕРО И ЛЕАНДР

Сказанию о Геро и Леандре выпала на долю значительно большая известность, чем многим другим греческим мифам местного характера, благодаря тому, что Мусей (поэт V—VI в. н. э.) разработал его в небольшой изящной поэме, не раз переведившейся на новые языки, а Шиллер написал на эту тему одну из своих известнейших баллад. Сам по себе сюжет этого сказания ничем не замечательнее многих других рассказов о трагическом конце молодой пары, браку которой препятствуют те или иные обстоятельства; но в данном случае именно эти препятствующие обстоятельства и истолкование их различными авторами, работавшими над этой темой, представляют собой некоторый интерес с исторической точки зрения.

Основная канва повести следующая: юноша Леандр, житель Абидоса, лежащего на азиатском берегу Геллеспонта, любит Геро, живущую на европейском берегу около фракийского города Сеста, в высокой башне у самого берега моря; из любви к ней он каждую ночь переплывает Геллеспонт и ранним утром возвращается обратно. Чтобы он не потерял направления, Геро ставит на башне светильник; но в одну осеннюю бурную ночь Леандр тонет, волны выбрасывают его труп к подножию башни, и Геро в отчаянии бросается с башни и умирает.

Попытки сопоставлять миф о Геро и Леандре с темой о разлученных влюбленных, встречающейся в песнях и сказках всех народов и времен, попытки, столь обычные в буржуазной литературе, носят чисто формальный характер и для историка античной литературы совершенно бесполезны. У греческих и римских авторов это сказание прочно вставлено в определенную географическую рамку — Абидос и Сест — и тот автор, который хотел более или менее подробно изложить его, должен был внести какие-то конкретные черты в свой рассказ и не только дать схему сюжета о несчастных влюбленных, но как-либо объяснить причину их несчастья и обрисовать их характеры. Он должен был убедительно и правдоподобно ответить на такие вопросы: Кто такая Геро и почему она живет в башне у моря одна? Что мешает ее браку с Леандром? Как отвечают на эти вопросы античные писатели и какие реальные черты

¹ ОАК, 1896, стр. 124, № 441. Надпись в честь частного лица, плохо сохранившаяся, IOSPE, II, 362, увезена Кларком.

² М. М. К о б ы л и н а, Раскопки ГМИИ в Фанагории, «Искусство», 1940, № 2.

³ К. К. Г е р ц, Археологическая топография Там. пол-ва, вып. I, Спб., 1898, стр. 48.

вносят они в свои ответы, в этом и заключается исторический интерес литературных обработок сказания, особенно при сопоставлении их с теми данными, которые дают география и история.

Когда сложился миф о Геро и Леандре, точно неизвестно; несомненно, что это миф местного характера. Оба города на берегах Геллеспонта, о которых идет речь, упоминаются уже в «Илиаде» (II, 835—37):

*Дальше стояли, кто жил подле Практия, подле Перкоты.
Кто обитал в Абидосе, в Сесте, в священной Аризбе;
Вел их в сраженья сын Гиртака Азий, мужей предводитель.*

Надо заметить, что отрядами от обоих городов руководит общий вождь. Хотя во II песне «Илиады» некоторые стихи являются интерполяцией V в. до н. э., но в данном случае это не играет роли; более того, чем позже сложены эти стихи, тем ценнее для нас свидетельство о том, что некогда эти города не были враждебны друг другу, а были союзниками. Об этом же говорит Стр а б о н (XIII, 22). Во время греко-персидских войн оба города были уже сильными крепостями, за которые крепко держались персы; рассказом о бегстве персов и о взятии Сеста греками Г е р о д о т заканчивает свою историю (IX, 114—118). В дальнейшем судьба этих городов была различна: Абидос, являвшийся богатой колонией Милета (А ф и н е й, XII, 524), после Пелопоннесской войны перешел под власть Спарты; Сест, принадлежавший к Афинскому морскому союзу, в 405 г. был, правда, тоже занят войсками Лисандра, но возвращен Афинам, а впоследствии подпал под власть Родоса. Оба города имели гавани, причем гавань Сеста была менее удобна, так как сам город лежал поодаль от нее и к нему вела дорога, защищенная деревянными стенами. Подъезд к гавани был небезопасен из-за рифов, и поэтому около Сеста на высоком берегу был храм Афродиты «морской» (θαλασσία или πελαγία), о котором, правда, говорит только Мусей. Там же еще до времени Страбона сохранилась башня, носившая название «башни Геро» и, возможно, служившая маяком. Отношения между Абидосом и Сестом часто бывали недружелюбны. Жители Абидоса, к тому же, пользовались вообще недоброй славой за распущенность нравов. Именно в Абидосе весело проводил время Алкивиад, о чем, по свидетельству А ф и н е я (XII, 525), упоминал в одной речи оратор Антифонт, упрекавший Алкивиада в том, что он «отплыл в Абидос не по какому-либо своему частному делу, а также не ради дружбы с кем-либо (проксении), а для того, чтобы вдобавок к своей собственной незаконности и распущенности научиться подобным же нравам у абидосских женщин». В Абидосе был даже храм Афродиты «блудницы» (πόρνη), который, правда, был выстроен в память того, что одна гетера освободила город, предав спавших после кутежа врагов в руки граждан (Ath., XIII, 572); однако можно полагать, что и этот храм играл некоторую роль в создании дурной репутации абидосцев.

Итак, известная разница в быте и нравах между «небольшим» (по Страбону) фракийским городом Сестом и пышной ионийской колонией Абидосом, также и различная политическая ориентация могли быть теми реальными фактами, на основе которых создавался миф о несчастной любви сестянки Геро и абидосца Леандра.

Когда и кем было впервые литературно обработано сказание о Геро и Леандре, неизвестно; предполагают, что это было сделано либо Каллимахом в его поэме «Αἴτια», рассказывавшей местные мифы целого ряда городов, либо каким-либо другим поэтом эпохи эллинизма, имя которого до нас не дошло. В пользу авторства Каллимаха говорят то, что миф о Геро и Леандре переработан О в и д и е м или кем-то из очень близких к нему подражателей в форму обмена письмами между Леандром и Геро и включен в «Героиды» Овидия непосредственно перед такими же письмами Аконтя и Кидиппы, рассказ о которых принадлежит Каллимаху.

Первым литературным фактом является то, что в эпоху Августа этот миф был уже известен в Риме, так как Вергилий приводит его в «Георгиках», в своей тираде о мощи любви. Он не называет имен Геро и Леандра, но подразумевает, несомненно, их.

*Quid iuvenis, magnum cui versat in ossibus ignem
Durus amor? nempe abruptis turbata procellis
Nocte natat caeca serus freta: quem super ingens
Porta tonat caeli et scopulis inlisa reclamant
Aequora: nec miseri possunt revocare parentes,
Nec moritura super crudeli funere virgo.*

(III, 258—63)

*Или же юноша тот, у которого в жилах струится
Пламя жестокой любви? В час поздний, ночью слепой
Под разразившейся бурей плывет возмущенной пучиной.
Двери грохочут небес над ним; разбиваясь о скалы,
Воды гудят; понапрасну родители бедные кличут,
И вслед за ним умереть в страданиях готовая дева.*

(Пер. С. Шервинского¹)

Вергилий уже вводит одну конкретную деталь: «родители не могут его вернуть, отозвать обратно» — значит, они п р о т и в его любви.

Этот же мотив введен и в упомянутом выше письме Леандра к Геро (Овидия или псевдо-Овидия): Леандр посылает Геро письмо во время сильной бури, когда только один храбрый моряк решается выйти в море, и говорит, что он и сам сел бы в эту лодку:

*....nisi quod, cum vincula prorae
Solveret, in speculis omnis Abydos erat.
Non pateram celare meos, elut ante, parentes,
Quemque tegi volumus, non latuisset amor.*

(XVIII, 11—14)

Далее, вспоминая, как он первый раз решился плыть к Геро, он опять говорит, что была уже ночь:

Cum foribus patriis egrediebar amans.

(XVIII, 56)

Очевидно, препятствие к браку с Геро самое обычное — воля родителей Леандра. То же видно и из письма Геро, но она несколько точнее указывает возможную причину сопротивления родителей. Терзаясь ревностью, она боится, что Леандр уже охладел, что он уже любит другую, а что она «недостойна» его по происхождению:

*Interdum metuo, patria ne laedar et impar
Dicar Abydeno Thressa puella toro.*

(XIX, 99—100)

И далее высказывает пожелание:

*O! utinam venias, aut ut ventusve patere
Causaque sit certe femina nulla morae!*

(XIX, 115—116)

Здесь вводится уже мотив этнической розни, а может быть, и социального неравенства; фракиянка, какой, по видимому, изображена Геро в «Героидах», — неподходящая жена для абидосского грека, очевидно, из хорошей семьи, раз его знает весь город.

В римской литературе имеются еще три незначительных упоминания о Геро и Леандре: в поэме Стация «Фиваида» (кн. VI, ст. 542—47), где описано изображение

¹ Перевод последних 2 стихов не вполне точен. Впрочем, последний стих считается интерполяцией.

Геро и Леандра на золотом кубке, который получает в награду победитель на играх; имена опять-таки не названы; Леандр назван «erhebus, contemptor Phrygae aequoris», Геро — просто «Sestias». Введена одна деталь: «тут же гаснет их сообщник — огонь» (moritur prope conscius ignis). В эпиграмме М а р ц и а л а (XIV, 181) Леандр говорит волнам, что он согласен утонуть, когда поплывет обратно; наконец, в поэме «Mosella» (287—8) поэт Авзоний превозносит красоту тихой реки Мозеля, по сравнению с которой

*Quis modo Sestiacum pelagus Nephelidas Helles
Aequor, Abydeni freta quis miretur ephebi?*

Итак, миф о Геро и Леандре до Мусей, по тем литературным данным, которые дошли до нас, рассматривается в основном, как пример неудержимой страсти; препятствия, на которые наталкивается эта страсть, упоминаются только вскользь и сводятся к обычному мотиву — сопротивлению родителей (отца) браку сына с девушкой, по общественному положению (национальности или происхождения) неравной ему. Во всяком случае, препятствия имеются со стороны Леандра, а не со стороны Геро. Весь интерес сосредоточен на любовной стороне мифа, что делает правдоподобной зависимость всех перечисленных римских реминисценций от какого-то эллинистического образца; разработка местных малоизвестных мифов с подчеркиванием их сентиментальных или эротических элементов — излюбленный прием поэтов эллинизма.

Мусей дал иное освещение этого мифа, поэтому естественно предположить известную самостоятельность его литературного труда, хотя некоторые «общие места» эллинистической поэзии (о жестокости Эроса и т. п.) Мусей охотно повторяет. Ко всей предыдущей трактовке мифа Мусей стоит в явном противоречии: препятствия к браку имеются не со стороны Леандра, а со стороны Геро: она жрица, принявшая на себя обет безбрачия, и ее страсть к Леандру и тайная связь с ним — преступление против ее обета и службы; а следовательно, их гибель может быть понята как кара.

Мусей в своей довольно длинной поэме должен дать мотивированный ответ на поставленные выше вопросы — почему Геро живет одна в башне и что препятствует их браку, — и он дает их настолько всеобъемлюще, что необходимо более внимательно рассмотреть, во-первых, насколько психологически верна его обрисовка характеров действующих лиц, поставленных им в такую трудную ситуацию, и, во-вторых, насколько такая ситуация может быть обоснована исторически.

В поэме Мусей Леандр видит Геро на празднестве в честь Афродиты и Адониса. Геро — жрица этого храма, ведет уединенный образ жизни, не ведая брака и не участвуя в увеселениях девушек. На праздник стекаются гости из самых отдаленных краев; все юноши восхищены красотой Геро, Леандр тоже влюбляется в нее; вечером он смело подходит к ней, хватая ее сперва за руку, потом за одежды и объясняется в любви. Геро говорит, что он безумец, но из ее ответа не вполне ясно, почему именно невозможен их брак, так как она приводит сразу два основания: она советует ему остерегаться «гнева ее богатых родителей» (ποδοχτεάνων γυναιτέρων), но непосредственно после этого говорит, что ему «не подобает обращаться к жрице Афродиты и приближаться к ложу девушки» (ст. 125—127). Какой из этих мотивов является решающим — сама Геро не говорит. Повидимому, однако, более важным представляется Леандру второй мотив, потому что он тотчас же начинает доказывать Геро, что именно она, как жрица Афродиты, не должна отказываться от радостей любви, ибо «к девушкам Афродита неблагосклонна» (ст. 144). В своей речи Леандр показывает себя очень искусным соблазнителем. В своем ответе Геро опять указывает на невозможность их брака, приводя в качестве довода уже то, что Леандр неизвестный, ненадежный, пришлый человек (ξένος καὶ ἀπίστος) и законного брака не допустят родители (возможно, что Геро обязана только временно нести обряд безбрачия), незаконная же связь невозможна, так как за Геро легко наблюдать — она живет уединенно с одной служанкой, «по жестокой воле родителей»

(στοῦραϊς βουλῆσι τοῦτων); при этом она просит его назвать свое имя и происхождения. Леандр, явно уклоняясь от этого, опять горячо объясняется ей в любви, обещает переплыть ради нее Геллеспонт и только под конец говорит: «имя мне Леандр, супруг увенчанной Геро» (ст. 220), т. е. он называет только свое имя, ничего не говоря о происхождении и о родителях и даже не называя своего «отчества». Геро и Леандр уславливаются о ночном свидании, о том, что Геро зажжет светильник на башне. Их тайный брак Мусей описывает в следующих стихах, в которых он ясно высказывает свое неодобрение (ст. 274—282):

*Брак заключен — но без плясок; и брачное ложе — без песен.
Геру, вершащую браки, певец не призвал в восхваленях,
Факелы блеском своим им в брачный покой не светили.
В пляске, в веселых прыжках не ходили вокруг них хороводы,
Песнь Гименя не пела ни милая мать, ни родитель.
Но постелило им ложе в часы, когда браки вершатся,
Только Молчанье одно, и мрак проводил новобрачных,
Ночь увенчала союз их; на небо взошедшая Эос
Утром Леандра уже не застала на ложе знакомом.*

Любовь Геро и Леандра продолжается до осенних бурь, когда Леандр тонет, а Геро, бросившаяся с башни, умирает около погибшего супруга. «Так даже в миг последней гибели они соединились друг с другом», — заканчивает Мусей свою поэму.

Как мы видели, причины уединения Геро не вполне ясны и у Мусея: Геро живет в башне по решению родителей, которое она называет «жестоким», но родители ее богаты; почему они отдали дочь насильно в жрицы, на время или навсегда, и почему жрица Афродиты не может вступить в брак — все это не вполне ясно. Невозможен ли брак с Леандром потому, что она жрица, или потому, что Леандр — неизвестный чужестранец (он не говорит ей, что он житель Абидоса), притом явно скрывающий свое положение? Почему он скрывает это, может быть объяснено двояко: во-первых, враждой между Абидосом и Сестом, так как при иных условиях житель соседнего города едва ли может быть назван «чужестранцем»; во-вторых, Леандр может быть бедняком и поэтому неподходящим мужем для Геро.

Таким образом, и у Мусея есть намеки на те же мотивы невозможности брака, которые уже были использованы его предшественниками. Хотя и талантливый поэт, но все же эклектик и эпигон, он делает то, что часто делают эклектики: он вводит свою новую мотивировку событий, но не отбрасывает той, которая получена им от литературных образцов. Однако ведущим мотивом у него все же является нарушение жрицей обета безбрачия.

Мотив нарушения обета безбрачия имел в ту позднюю эпоху, когда жил Мусей (не ранее первой половины V в., вернее даже в VI в. н. э.), большое значение в христианском учении и быту. Уже с III в. христианские писатели посвящали восхвалению девства немало красноречивых слов; об этом писали и Мефодий Патарский в «Пире десяти дев», и Василий Неокесарийский в многих проповедях, а Григорий Назианзин даже в своих поэмах. Вокруг этого положения христианского вероучения не раз развертывалась полемика с язычниками. Мусей мог, следовательно, заимствовать свое, несколько аскетическое, освещение сказания о Геро и Леандре от христиан. Кем был сам Мусей, неизвестно: на основании одного выражения у Мусея: «блаженно чрево, носившее тебя» (ст. 139), рискованно причислять его к христианам, тем более, что сам этот оборот мог быть обиходным приветствием, включенным в христианские писания; с другой стороны, нельзя и отрицать того, что Мусей мог быть христианином, несмотря на его умение восхвалять Киприду и передавать пламенные любовные речи: во-первых, в них очень много обычных эллинистических нот, а во-вторых, у Нонна, достоверно бывшего епископом, имеются и не такие скользкие сцены.

Однако нет необходимости предполагать, что только христианство могло на-

вести Мусея на этот мотив. И в язычестве служение в храме было связано в очень многих культах с известными предписаниями относительно возраста и поведения храмовых служителей. Много интересного материала по этому вопросу дает Павсаний в своем «Описании Эллады». В самых разнообразных местностях Греции и в различных культах (чаще всего — Артемиды, но также Афины, Аполлона, Афродиты-Урании) жрецы и жрицы подчиняются известным предписаниям, иногда довольно строгим: в Аргосе в храме Аполлона «пророчицей является женщина, не знавшая мужского ложа» (P a u s., II, 24); в Олимпии «старая женщина, которая служит Сосиполу (спасителю города), связана элейским законом о беспорочной жизни» (VI, 20); в Аркадии в храме Артемиды-Гимнии жрица и жрец «должны соблюдать чистоту» (VIII, 13); в Элатее в Фокиде в храме Афродиты-Краней «жреца выбирают из мальчиков-подростков, причем заботятся о том, чтобы он окончил свое служение раньше, чем станет взрослым юношей» (X, 34), и, наконец, в Сикионе именно храмовой служительнице Афродиты «запрещено на все время иметь сношение с мужчинами» (II, 10).

Особенно усилилось в некоторых языческих культах стремление повысить нравственность жреческого сословия тогда, когда ходячим упреком против язычников со стороны христиан стал именно упрек в поощрении безнравственности и распущенности. Главный ревнитель язычества, Юлиан, распространяется об этом в своем «послании к жрецу», от которого он требует морали не ниже, а выше морали его заклятых врагов — христиан.

Не только в «языческом быту», но и в литературе Мусей мог найти опору для своей морализации сказания о Геро и Леандре. Уже Сенека Старший в своих «Упражнениях для риториков» выставляет тему для дискуссии: «может ли стать жрицей девушка, невинность которой не вполне бесспорна», — и все выступающие по этому вопросу единодушно дают отрицательный ответ. Из этого видно, что такой вопрос вызывал живой интерес. В данном случае, может быть, играли роль более строгие правила римских обрядов. Однако и в Греции, у того же Павсания, мы находим миф, чрезвычайно интересный, на соотношение которого с поэмой Мусея, насколько мне известно, до сих пор не было обращено внимания; это миф о Меланиппе и Комето (в Патрах, в Ахайе, — P a u s., VII, 19), который напоминает миф о Геро и Леандре даже своими несколькими патетическими вставками о мощи любви, совершенно несвойственными Павсанию.

«Когда ионийцы заселяли Арою, Антею и Месатис, у них был общий храм и священный участок Артемиды, именуемой Трикларией. И каждый год ионийцы устраивали в честь ее праздник и ночное бдение. Должность жрицы при богине несла девушка до тех пор, пока она не знала мужа. Говорят, как-то пришлось выполнять, обязанность жрицы богини Комето девушке замечательной красоты. Случилось так, что в нее влюбился Меланипп, превосходивший своих сверстников красотой лица и другими качествами. Когда он равным образом добился любви девушки, Меланипп стал сватать ее у ее отца. Но обычно старости свойственно противиться многим желаниям юности, а также особенно оставаться глухими к страданиям их юной любви. То же случилось тогда и с Меланиппом: полный желания жениться на желавшей того же Комето, он встретил холодный отказ в этом и со стороны своих родителей и со стороны родителей Комето. Тогда в печальном романе Меланиппа подтвердилось то, что подтверждалось много раз и в других случаях, а именно: что любви свойственно нарушать законы людские и попирает почтение к богам. Так и тогда Комето и Меланипп насладились полностью в самом храме Артемиды своей страстной любовью. Они собирались и в дальнейшем пользоваться храмом все так же, как своим брачным чертогом, но внезапно гнев Артемиды обрушился на людей: земля перестала приносить плоды, их поразили необычные болезни со смертельными случаями, более частыми, чем прежде. Когда при этих бедствиях они прибегли к помощи божественного откровения в Дельфах, то пифия открыла преступление Меланиппа и Комето; и веление бога было — их самих принести в жертву Артемиде и затем каждый год приносить богине в жертву девушку и юношу

к которые были самыми красивыми. Из-за этого жертвоприношения река у храма Артемиды-Трикларии получила название Амелиха (Немилостивой), а раньше у нее не было никакого названия. Достояна сожаления судьба юношей и девушек, которые гибли как жертвы богине из-за Меланиппа и Комето, сами неповинные ни в чем, достойны сожаления и их родственники; Меланиппа же и Комето я считаю не испытанными такого чувства несчастья: ведь для человека одно только равноценно жизни — испытать счастье в объятиях любимого существа» (П а в с., Описание Эллады, перев. С. П. Кондратьева).

Миф о Меланиппе и Комето разрабатывает тему о преступлении языческой жрицы, повлекшем за собой смертную казнь; правда, Комето — жрица Артемиды-девственницы, а не Афродиты, но мы видели, что и культ Афродиты-Урании налагал обет безбрачия. Интересен также и тот миф, который рассказывает вслед за этим Павсаний — об отмене человеческих жертв: в Патры прибывает впавший в безумие Эврипил, которому было предсказано, что он излечится, когда найдет место, где приносят «чуждые» грекам жертвы (т. е. человеческие); Эврипил попадает в тот момент, когда юношу и девушку ведут на смерть; он спасает их, излечившись сам, и учреждает культ «милостивого бога Диониса».

Судя по тому, что этот миф говорит о человеческих жертвоприношениях, это — либо миф очень древний, либо — не чисто греческий, а занесенный с Востока в эпоху синкретизма культов; на это, возможно, указывает весь эпизод с отменой «чуждых» жертвоприношений. Но откуда бы ни вел свое происхождение записанный Павсанием миф, он очень ценен для нас, как литературное свидетельство о наличии той самой темы в языческой культовой мифологии, которую Мусей внес в сказание о Гери и Леандре.

В позднейших разработках этого мифа в европейской литературе на первый план выступил опять только мотив неудержимой страсти, а реальный географический фон сказания и те истолкования его, которые возникали в соответствии с исторической обстановкой, снова потеряли свое значение. Это и дало возможность рассматривать его как ходячий литературный сюжет. Однако интерес этого мифа заключается не в его основном содержании, а в тех наслоениях, которые приносила в него та или иная эпоха.

Проф. М. Е. Грабарь-Пассек